

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

«Самцы у папуасов очень берегут своих самок. Эта черта, встречающаяся у большинства диких, объясняется тем, что они не знают никаких удовольствий, кроме половых», — писал Н. Н. Миклухо-Маклай в те времена, когда из туземцев («диких») делали чучела в этнографических целях (XIX век был веком науки). Еще столетие назад для большинства европейцев и белых американцев было вовсе не очевидно, что готтентот, индеец, папуас — люди.

Лев Толстой, познакомившись с трудами Миклухо-Маклая, писал: «Вы первый, несомненно, опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой».

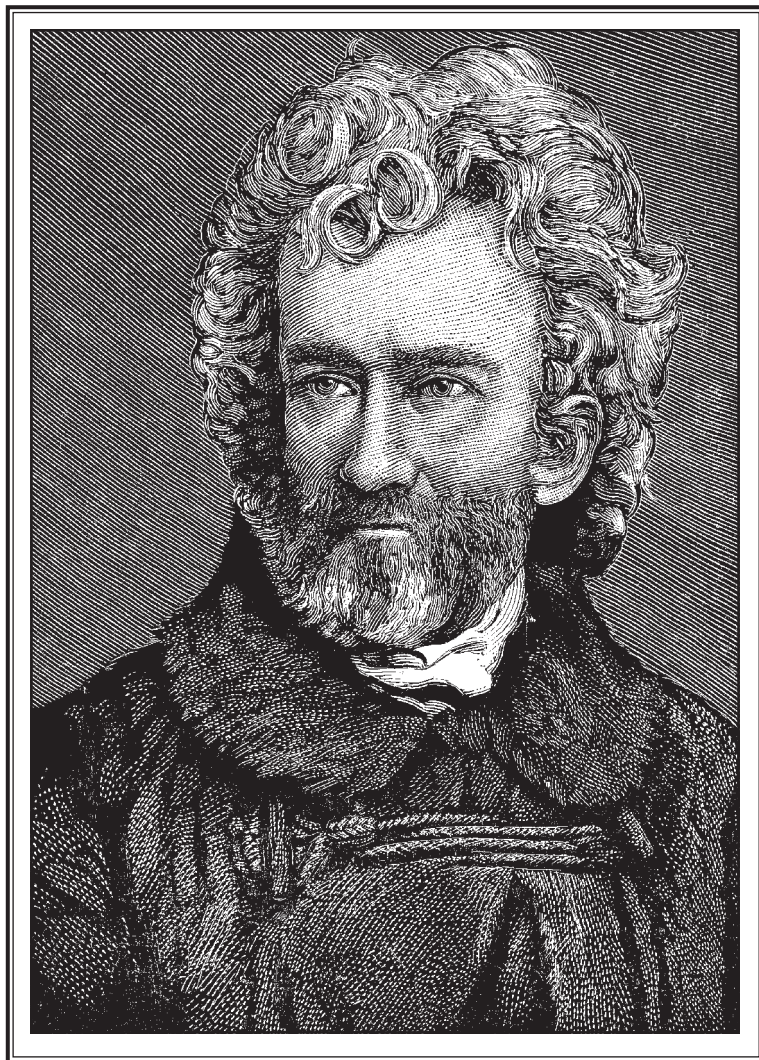
Миклухо-Маклай прожил 42 года, объехал половину земного шара, несколько лет провел в малярийных джунглях «Папуазии», написал сотню научных статей и тысячу страниц дневников, прекратил несколько кровопролитных войн между аборигенами Новой Гвинеи. Они хотели было его съесть, но, на свое счастье, решили сперва немного присмотреться к экзотическому «тамо рус». А когда познакомились с ним поближе, то назвали его «человеком одного слова» — потому что ему можно было верить, как никому другому на земле.

В год 150-летия со дня его рождения Миклухо-Маклай был назван ЮНЕСКО Гражданином мира. Его имя носит Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. День рождения Миклухо-Маклая является профессиональным праздником этнографов.

Его дневникам без малого полтора века. Загляните в них — и вы поймете, что такое настоящая экзотика.

*Одни говорят, что человек человеку — волк.
Другие — друг, товарищ и брат.
Маклай знал: человек человеку — гость.*

*Николай Николаевич
Миклухо-Маклай*

1846—1888

Н. Н. Миклухо-Маклай

ПУТЕШЕСТВИЯ
НА БЕРЕГ МАКЛАЯ

Москва
2019

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Судьба литературного и научного наследия Николая Николаевича Миклухо-Маклая оказалась столь же сложной, как и судьба самого путешественника. Вернувшись в апреле 1886 года в Россию из своих долгих странствований, он, уже будучи тяжело больным человеком, принялся за обработку дневниковых записей. Работа шла долго и мучительно, но все же ученый успел подготовить первый том своих дневников.

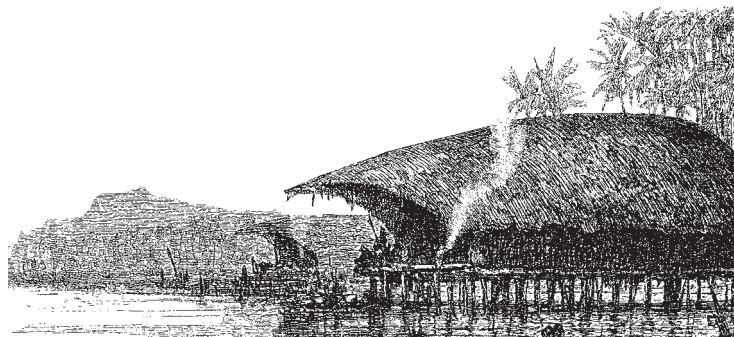
Но если при жизни Миклухо-Маклая называли «выдающимся путешественником» и воздавали почести, то после смерти о нем быстро забыли. Из печати выходили отдельные статьи и заметки, но работа над большим изданием дневников затянулась настолько, что в 1913 году они «за ненадобностью» были сданы в архив.

И только в 1923 году в Москве был выпущен первый том описания путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая. В 1940—1941 годах вышли в свет «Путешествия» в двух томах, а в 1950—1954 годах Институт этнографии АН СССР выпустил пятитомное собрание его сочинений.

Основу нашего издания составили отчеты о трех путешествиях ученого на Берег Маклая на Новой Гвинее, а также его исследования жизни и быта папуасов — эти работы в свое время совершили революцию в этнографии. Особого упоминания также заслуживает иллюстративный материал — сотни иллюстраций, значительная часть из которых является рисунками самого Н. Н. Миклухо-Маклая.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

12

Странная двойная фамилия. Внешняя схожесть с Дон Кихотом и убеждения, напоминающие жизненные взгляды героя Сервантеса, — человек не от мира сего, романтик и идеалист. Путешествия куда-то на край света, на Новую Гвинею, где он зачем-то долго жил среди папуасов. Очень плодотворная, но, к сожалению, недолгая жизнь...

*Н. Н. Миклухо-Маклай.
Почему я выбрал Новую Гвинею*

Несмотря на то что Новая Гвинея открыта уже более трехсот лет тому назад, только некоторые из ее берегов известны европейцам благодаря посещению их мореплавателями различных национальностей.

17

Первое пребывание
на Берегу Маклая
на Новой Гвинее
(с сентября 1871 г.
по декабрь 1872 г.)

23

На предложенный мне командиром корвета «Витязь» капитаном 2-го ранга Павлом Николаевичем Назимовым вопрос, в каком месте берега я желаю быть высаженным, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым. Мы долго вглядывались в берег залива, желая открыть хижины туземцев, но, кроме столбов дыма на холмах, ничего не заметили. Подойдя, однако, еще ближе к берегу, старший офицер П. П. Новосильский закричал, что видит бегущих дикарей.

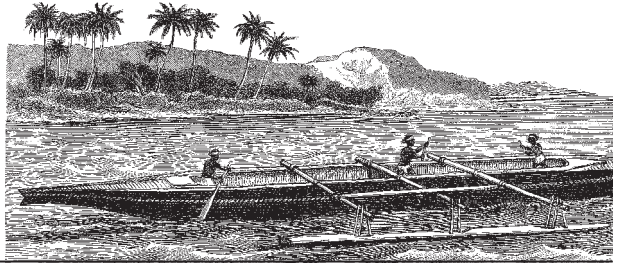

Второе пребывание
на Берегу Маклая
(27.06.1876 г.— 10.11.1877 г.)

Заходящее солнце красноватыми лучами освещало внутренность буамбрамы и лица жителей Бонгу, Горенду, Били-Били и Богати. Было целое собрание. Я сел. Все молчали. Было очевидно, что я помешал их совещанию. Наконец мой старый приятель Саул, которому я всегда доверял более других, позволяя иногда сидеть на своей веранде и частенько вступал с ним в разговоры о разных трансцендентальных сюжетах, подошел ко мне. Положив руку мне на плечо (что было не простой фамильярностью, которой я не имею обыкновения допускать в моих сношениях с туземцами, а скорее выражением дружбы и просьбы), он спросил меня заискивающим голосом и заглядывая мне в глаза: «Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богати, Били-Били?»

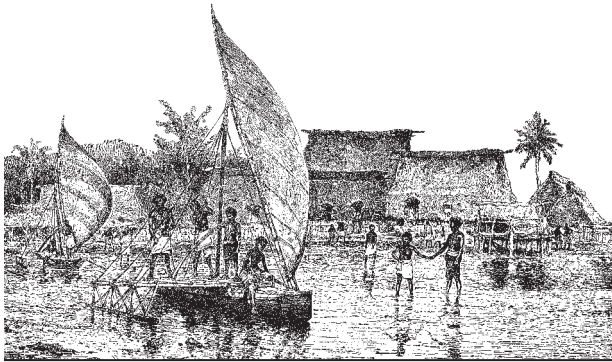
203

О втором пребывании
на Берегу Маклая
на Новой Гвинее
(от июня 1876 г.
по ноябрь 1877 г.)

257

Предпринимая путешествие, я намеревался посетить несколько местностей и, выбрав одну из них, остаться в ней доле. Но впоследствии мне казалось, помимо других причин, вернее и целесообразнее не поддаваться на приманку новизны, а, вернувшись сюда, на Берег Маклая, продолжать и дополнять начатое.

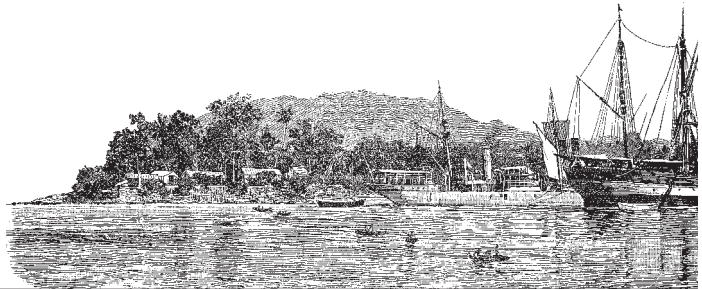

Несколько дополнений
о втором пребывании
на Берегу Маклая
на Новой Гвинее
в 1876—1877 годах
(Из письма к А. А. М.)

Хотя совершенно верно, что жду шхуну каждый день и подчас с нетерпением, но в то же время боюсь ее прихода, боюсь, что ее приход оторвет меня от работ, которые так интересны, но так трудно и медленно достаются, что приходится дорожить каждым днем, тем более что между прочими индифферентными является иногда такой, который дает более результата, чем неделя терпеливого наблюдения.

277

Третье посещение
Берега Маклая
(1883 г.)

293

Два обстоятельства особенно бросились мне в глаза. Во-первых, мне и всем окружавшим меня казалось, что как будто только вчера, а не 6 лет тому назад, я был в Бонгу в последний раз; во-вторых, мне показалось странным отсутствие всякой дружественной демонстрации по отношению ко мне со стороны папуасов после моего долгого отсутствия. Подумав немного, я нашел второе обстоятельство совершенно понятным — ведь я сам ничем особенным не выражал своего удовольствия при возвращении сюда; что же мне удивляться, если и папуасы не скачут от радости при виде меня.

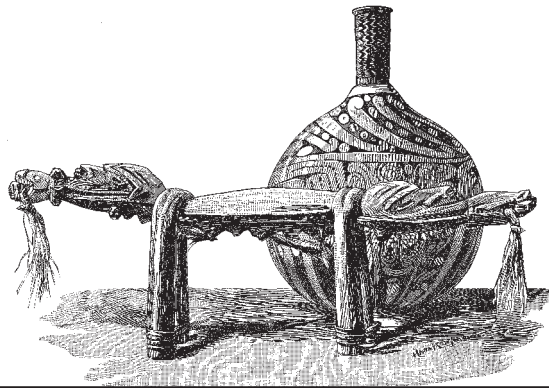

Сообщение о путешествиях,
сделанное
Н. Н. Миклухо-Маклаем
в Русском географическом
обществе в 1882 году

Обдумав совершенно объективно все обстоятельства своего первого пребывания между туземцами и последующего знакомства с ними, я пришел к заключению, что хорошим результатом сношений с дикарями я обязан главным образом своей сдержанности и терпению. Высадившись на Берег Маклая, я избрал для постройки хижины мысок, довольно отдаленный от обеих соседних деревень — Горенду и Гумбу; местность эта не принадлежала никому, не была до моего поселения занята никем. Таким образом, поселившись вне деревень, отстоявших от места, где находилась моя хижина, я не навязывал жителям своего постоянного присутствия.

307

Этнологические заметки
о папуасах Берега Маклая
на Новой Гвинее

355

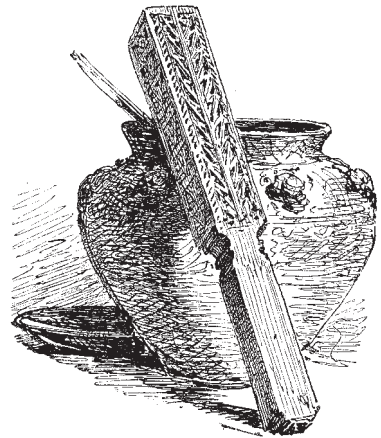
На мою долю выпало редкое счастье наблюдать такой народ, который все еще жил отрезанным от общения с другими народностями и притом на той стадии цивилизации, когда все орудия и оружие изготавливаются из камня, кости и дерева.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Моя ежедневная жизнь
и отношения с туземцами

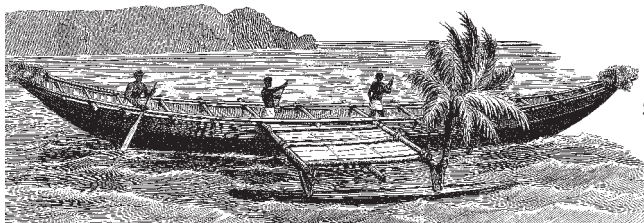
Спокойствие жизни среди обширного поля многосторонних исследований составляло самую привлекательную сторону пребывания на Новой Гвинее. Спокойствие это, благотворно действующее на характер, неоценимо, так как деятельность мозга, не развлекаясь различными мелочами, имеет возможность сосредоточиться на некоторых избранных задачах. Дни здесь кажутся мне слишком короткими, так как мне почти что никогда не удается окончить к вечеру все то, что я предполагал утром сделать в течение дня.

413

Об употреблении напитка кеу
папуасами на Новой Гвинее

417

Несмотря на не особенно привлекательную процедуру приготовления, я сам, желая знать эффект, выпил однажды обыкновенную порцию кеу; питье оказалось без особенного запаха, горько-стягивающего вкуса; через некоторое время по принятии кеу я почувствовал головокружение, и ноги отказались держать меня, что, однако же, прошло после получасового сна.

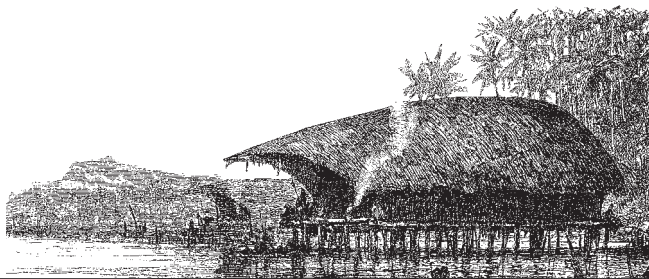

Еще о некоторых
этнологически важных
обычаях папуасов
Берега Маклая
на Новой Гвинее

421

На пиры имеют доступ только взрослые мужского пола; даже до кушаний, приготовленных на месте пира, юноши, женщины и дети не смеют прикасаться. Видеть музыкальные инструменты — не только употреблять их — запрещено им; все они должны убежать при звуках этих инструментов. Употребление кеу также дозволено одним взрослым мужчинам; известные хижины, где собираются мужчины, известные сборные места в лесу, посвященные пиршествам, также недоступны женщинам и детям.

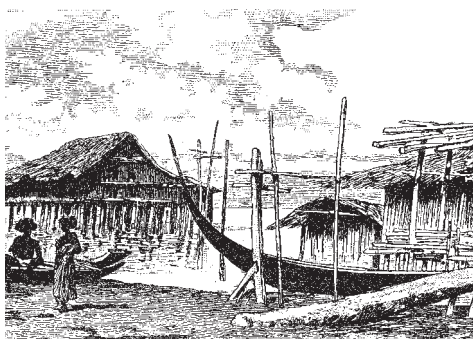
В. Перелешин.
Остров Новая Гвинея

425

Мы увидели первую группу дикарей, вышедших боязливо из-за этого мыска. Впереди шел начальник, а за ним попарно остальные; они подошли к ближайшему от нас берегу, принесли какие-то дары, которые сложили в кучу на берегу, прокричали что-то, показывая руками на кучу, и медленно удалились за мысок.

Подарки состояли из нескольких кокосов, таро, одной одичалой свиньи, привязанной за морду и задние лапы к бамбуковому шесту, и двух небольших желтых собак, на наших глазах убитых о бревно, лежащее на берегу. Это все мы взяли и на то же самое место поставили корзину с гвоздями, веревками, бутылками и другими вещами, на наш взгляд полезными для них.

Н. Н. Миклухо-Маклай.
Важнейшие биографические даты

434

ОТ РЕДАКЦИИ

Странная двойная фамилия. Внешняя схожесть с Дон Кихотом и убеждения, напоминающие жизненные взгляды героя Сервантеса, — человек не от мира сего, романтик и идеалист. Путешествия куда-то на край света, на Новую Гвинею, где он зачем-то долго жил среди папуасов. Очень плодотворная, но, к сожалению, недолгая жизнь. И нет, он не погиб от отравленных папуасских стрел, его не съели дикари — он «прозаично» (да простит читатель нам этот цинизм) умер в больнице на родине.

Но начнем от начала, от дня рождения Николая Миклухо-Маклая (этот день, кстати, неофициально отмечается как профессиональный праздник этнографов). Он появился на свет 5 (17) июля 1846 года в имении Языково-Рождественское Новгородской губернии*.

Сам Николай Николаевич утверждал, что потомственными дворянами род Миклух стал во второй половине XVIII века: его прадед, уроженец Черкас, хорунжий казачьего полка Степан Макуха отличился при взятии Очакова в декабре 1788 года (он первым взобрался на стену и поставил там флаг) и был за это возведен в дворянство**. Впоследствии Степан сменил казавшуюся ему неблагозвучной фамилию на Миклуха, а свое юношеское прозвище Махлай — на Маклай и соединил эти два слова в одну фамилию — Миклухо-Маклай***.

Один из его сыновей, Илья Степанович, родился в 1791 году и дослужился до чина коллежского секретаря. В октябре 1818 года у него появился сын Николай, который учился сначала в лицее в Нежине, а затем в Институте Корпуса инженеров путей сообщения в Петербурге. Вся его жизнь была связана

* В Приложениях данного издания имеется также раздел «Н. Н. Миклухо-Маклай. Важнейшие биографические даты».

** Многие биографы считают, что эта версия не подкреплена какими-то документальными свидетельствами.

*** Согласно старинному фамильному преданию Миклухо-Маклаев, существует еще одна версия происхождения двойной фамилии. Якобы еще в середине XVII в. некий Грицко Миклуха взял в плен служившего в польском войске шотландца Майкла Маклая. Этот Маклай прижился в семье Миклух и впоследствии женился на сестре Грицка Ганне. Из соединения двух фамилий и возникла новая — Миклухо-Маклаи. Но «шотландская» версия происхождения также не имеет документальных подтверждений.

с железными дорогами — Николай Ильич принимал участие в строительстве железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой, а в середине XIX столетия занимал пост начальника самого главного в стране Николаевского вокзала в Петербурге. В 1844 году он женился на Екатерине Семеновне Беккер, дочери полковника, героя Отечественной войны 1812 года. У них было пятеро детей: Сергей, Николай, Ольга, Владимир и Михаил.

По работе Николая Ильича часто переводили с места на место, вместе с ним переезжала и семья. Наконец в 1855 году Миклухи осели в Санкт-Петербурге. В конце 1857 года глава семейства умер от чахотки, и, поскольку пенсии он не выслужил, материальное положение вдовы и пятерых детей оказалось весьма затруднительным. Несмотря на это, Екатерина Семеновна в 1859 году смогла пристроить старших братьев, Сергея и Николая, в 4-й класс Второй Петербургской гимназии. Отличником Николай не был, скорее наоборот — часто пропускал занятия, а в 1863 году и вовсе написал заявление об уходе из гимназии. Он хотел было поступить в Академию художеств, однако в итоге оказался вольнослушателем физико-математического факультета Петербургского университета. Здесь, казалось бы, отношение к занятиям изменилось — юноша усердно посещал занятия, однако в 1864 году из-за участия в очередной студенческой забастовке был исключен из университета.

После этого на семейном совете было решено отправить Николая за границу — в университет немецкого города Гейдельберга. Этому мешали два препятствия: отсутствие денег и паспорта для выезда за границу, который в ту пору из-за Польского восстания молодым людям выдавали очень неохотно. Матери каким-то образом удалось решить первую проблему, а преодолеть вторую, как ни странно, помогла болезнь Николая: после воспаления легких он прошел освидетельствование полицейскими врачами, которые и рекомендовали ему выехать на лечение за рубеж. Таким образом, вождеденный документ был получен.

В Германии Николаю тоже не сиделось на одном месте. Около года он учился в Гейдельберге, затем перебрался в Лейпциг, а осенью 1865 года поступил на медицинский факультет университета в Йене. Здесь его наставником и научным руководителем был Эрнст Геккель — выдающийся естествоиспытатель и философ, горячий поборник теории Чарльза Дарвина. В 1866 году Геккель вместе с Николаем Миклухо-Маклаем (немецкий ученый называл его «своим самым усердным и способным помощником») и еще одним учеником, Германом Фолем, отправился в большое путешествие по Европе, Канарским островам и Северной Африке.

Вскоре после возвращения из путешествия Николай Миклухо-Маклай опубликовал свою первую научную статью: в «Йенском журнале медицины и естествознания» была напечатана работа, посвященная рудиментам плавательного пузыря у акул. В 1868 году молодой русский ученый окончил медицинский факультет Йенского университета, но так как он не собирался становиться практикующим врачом, то отказался от сдачи государственных экзаменов. Осенью того же года Миклухо-Маклай отправился в экспедицию по Италии, а в марте 1869 года отплыл в Александрию, чтобы совершить экспедицию по Египту. В Каире, кроме традиционных египетских достопримечательностей, он впервые познакомился с малярией — болезнью, которая будет преследовать его всю жизнь.

В начале лета 1869 года Н. Н. Миклухо-Маклай после пятилетнего отсутствия вернулся на родину. По мнению биографов, путешествие по Африке во многом сформировало его как ученого: Николай привык работать в одиночестве, постепенно началась его трансформация в натуралиста-универсала, который главной своей задачей видел изучение деятельности человека и проявлений его культуры в рамках определенной географической среды.

Вскоре молодой ученый стал задумываться о новом путешествии — на этот раз в Австралию и Океанию. Тому способствовали несколько причин. Во-первых, улучшилось материальное положение: акционерное общество «Самолет», куда были вложены деньги семьи, наконец-то стало выплачивать дивиденды. Во-вторых, сказалось увлечение учителя, Эрнста Геккеля, ошибочной теорией о том, что в прошлом между обезьяной и человеком существовало некое промежуточное звено, исходный материал, от которого в дальнейшем и произошли все расы. Этой теорией своего учителя увлекся и Миклухо-Маклай, решивший найти ее подтверждение на практике. В-третьих, сказалась и заинтересованность в проекте данной экспедиции и тогдашнего председателя Русского географического общества великого князя Константина Николаевича.

8 октября 1869 года Миклухо-Маклай представил в РГО проект экспедиции в Тихоокеанский регион. Этот проект был встречен неоднозначно, но все же в конце месяца его одобрили («принять план г-на Маклая, включающий не только исследования животных, но и антрополого-этнографические наблюдения» — значилось в решении Совета РГО). От имени РГО было подано ходатайство в морское ведомство с просьбой зачислить Н. Н. Миклухо-Маклая в экипаж готовившегося к отправлению в Тихий океан корвета «Витязь». В мае 1870 года высочайшее разрешение было получено, правда «без производства довольствия г-ну Маклаю от морского ведомства».

19 октября 1870 года Николай Николаевич выступил на общем собрании РГО и рассказал о планах экспедиции. Нельзя сказать, что эти планы были приняты с воодушевлением: многих удивляло, что ученый планирует провести среди «диких народов» семь или даже восемь лет; немало было и тех, кто считал, что исследования тропических регионов и вовсе не нужны России. Тем не менее окончательное согласие было получено.

29 октября, когда Миклухо-Маклай находился уже на корабле, «Витязь» посетил великий князь Константин Николаевич. Николай прекрасно осознавал, что отправляется не на увеселительное прогулку. Вместе с главой РГО было принято решение: через год «Витязь» должен вернуться на место высадки и, если исследователя к тому моменту не будет в живых, забрать оставленные в условленном месте в герметичных цилиндрах рукописи. И 8 ноября 1870 года «Витязь» отшвартовался от причала Кронштадтского порта.

* * *

Так начиналась экспедиция, которую смело можно назвать одной из самых выдающихся в этнографическом плане за всю историю науки. Мы не будем подробно останавливаться на ее ходе — поскольку об этом читатель узнает из трудов самого Н. Н. Миклухо-Маклая — и перенесемся в 1881 год. За прошедшие одиннадцать лет были посещены Новая Гвинея (тот самый, ставший знаменитым Берег Маклая), Индонезия, Малакка, Филиппины, Гонконг, Молуккские острова, Австралия, Сингапур и др. страны.

В самом конце 1881 года в Сидней, где тогда находился Миклухо-Маклай, пришла русская эскадра под командой контр-адмирала А. Б. Асланбегова в составе крейсера «Африка» и клиперов «Пластун» и «Вестник». Для ученого это был подходящий случай, чтобы наконец-то вернуться на родину. Однако было обстоятельство, которое этому препятствовало.

В Сиднее, среди прочего, Николай Николаевич занимался обустройством биологической станции. По соседству с этой станцией находилось имение бывшего премьер-министра колонии Новый Южный Уэльс сэра Джона Робертсона. Маклай познакомился с его дочерью, недавно овдовевшей Маргарет Робертсон-Кларк, которая была младше его на 10 лет. Дружба переросла в любовь. Нильсу и Рите (так они сами называли друг друга) нелегко было расстаться, но они все-таки решили, что Миклухо-Маклай поедет в Россию сам. 24 февраля 1882 года русская эскадра покинула берега Австралии.

В России с нетерпением ожидали возвращения путешественника, некоторые газеты в специальных репортажах отслеживали шаг за шагом его путь домой. Долгое плавание позволило Миклухо-Маклаю привести в порядок его дневниковые записи. Наконец 31 августа 1882 года броненосец «Петр Великий» (на него ученый пересел в Египте) пришвартовался в Кронштадтском порту.

Сказать, что Миклухо-Маклай стал в России национальным героем, таким как Амундсен в Норвегии или, например, Норденшёльд в Швеции, было бы преувеличением. Но интерес к нему и его приключениям был огромен. 29 сентября в зале Географического общества Николай Николаевич прочитал первую лекцию, посвященную двум путешествиям на Новую Гвинею. Интерес был столь велик, что следующие лекции были перенесены в гораздо более вместительный зал Технического общества. 6 октября ученый был удостоен аудиенции у Александра III в Гатчине. Император также следил за путешествиями Миклухо-Маклая и, кроме прочего, поспособствовал решению материальных проблем ученого.

В декабре 1882-го — январе 1883 года Николай Николаевич ездил по Европе, побывав в Германии, Бельгии, Голландии, Франции, Италии и Великобритании. Затем он отправился в Австралию, где намеревался оформить свои взаимоотношения с Маргарет Робертсон-Кларк. По пути планы поменялись, и корвет «Скобелев» (так теперь назывался «Витязь») сначала взял курс на Новую Гвинею. Третье пребывание на Берегу Маклая было очень непродолжительным по сравнению с двумя первыми — всего восемь дней. Затем Николай Николаевич отправился в Австралию. 27 февраля 1884 года Миклухо-Маклай и Маргарет Робертсон-Кларк обвенчались в Сиднее. В ноябре того же года у них родился сын Александр, в декабре 1885 года — второй сын Владимир.

Тем временем Новая Гвинея, долгое время практически не интересовавшая колониальные державы, стала все больше входить в сферу их интересов. В итоге в ноябре 1884 года она была поделена: Германия объявила протекторат над северо-восточной частью острова, а Великобритания — над юго-восточной. При этом российские власти внимания на эту далекую территорию по большому счету не обращали. Нужно сказать, что с точки зрения государственных интересов это было вполне объяснимо. Например, идея об обустройстве угольных баз для российских кораблей была отвергнута по простой причине — такие базы находились бы настолько далеко от основных маршрутов, что эффект от пополнения запасов угля был бы ничтожным.

Не лучшим образом обстояли отношения Миклухо-Маклая и с австралийскими властями. Среди прочего, помещения и территория биологической станции были отобраны для нужд военных. Это ускорило решение вернуться в Россию. В начале апреля 1886 года Николай Николаевич прибыл в Одессу (Маргарет с детьми пока остались в Сиднее, они приехали в Россию летом 1887 года). К этому времени здоровье 40-летнего путешественника катастрофически ослабло. Давно беспокоившие его боли в челюсти усилились, но лучшие петербургские врачи так и не сумели поставить диагноз*. В таких условиях Миклухо-Маклай спешил закончить работу над своими дневниками. Работа шла медленно и трудно, и из-за проблем со здоровьем, и из-за того, что за долгие годы пребывания за границей он попросту стал забывать русский язык. Летом 1887 года наступило некоторое облегчение, но напряженная работа над вторым томом его «Путешествий» вскоре полностью истощила силы ученого. 2 (14) апреля 1888 года Н. Н. Миклухо-Маклай скончался в больнице при Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге.

* * *

Когда Н. Н. Миклухо-Маклай отправился в первый раз в Новую Гвинею, главной своей задачей он видел зоологические и ботанические исследования. Но со временем эта задача трансформировалась. Сам ученый писал об этом так: «В будущем те же райские птицы и бабочки будут восхищать зоолога, те же насекомые насчитываться тысячами в его коллекциях, между тем как почти наверное при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи теперешних папуасов искажутся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинеи».

И именно в этом самая главная заслуга Миклухо-Маклая и перед наукой, да и, пожалуй, перед всем человечеством. Естественно, что он был так или иначе человеком своего времени с соответствующим мышлением; для него папуасы — это дикие люди, которые «не знают других развлечений, кроме половых». Но он одним из первых осознал, что такую, пусть и примитивную с точки зрения «несущего свое бремя белого человека» культуру нужно хотя бы попытаться сохранить в первозданном виде. И сделать это можно только одним способом. Об этом способе в письме к Миклухо-Маклаю говорил великий Лев Толстой: «Вы первый, несомненно, опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества...»

* Согласно завещанию Н. Н. Миклухо-Маклая его череп поступил в Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге. В 1962 г. череп подвергли рентгенографическому исследованию, и в результате был поставлен следующий диагноз: «Раковое поражение с локализацией в области правого нижнечелюстного канала, причем поражение нижнечелюстного сустава было связано с поражением нижней ветви тройничного нерва».